

ВАДИМ АРЕФЬЕВ

НА ТРОИЦУ У ПАТРИАРХА

ИЗ ДНЕВНИКОВ ПИСАТЕЛЯ

В начале этого века на Троицу приехал я в Сергиев Посад. Там в этот день, в городской библиотеке проходила читательская конференция. Я и привёз туда на своих издававших виды “Жигулях” небольшую группу московских писателей. А пока добирался — у меня сильно разболелась голова. Прямо-таки до ломоты в висках. Припарковал я машину, высадил писательский десант, а сам пошёл прогуляться — голову проветрить.

Иду по городу, а везде праздник. Колокола со всех сторон звонят-заливаются. И тут вижу, что сам Патриарх Московский и всея Руси Алексей II по площади возле Лавры идёт. Правда, пройти к нему, вижу, непросто — милицейское оцепление выставлено. Ладно, думаю, хотя бы посмотрю на торжественную процессию. Пошёл я и как-то незаметно миновал оцепление. Никто меня не остановил. Только потом уж я понял, что в камуфляже был, — вот меня “за своего” и приняли. Так же стремительно подошёл я и к приветственной шеренге детишек и прихожан с берёзовыми веточками и сквозь этот строй протянул руки. Алексей лишь на миг коснулся моих ладоней...

А вскоре я понял, что голова у меня уже не болит. Патриарх лежит теперь в Елоховском соборе в Москве, а я, всякий раз подходя к его надгробию, чувствую исцеляющую силу, исходящую от белого мрамора этой святой гробницы.

АРЕФЬЕВ Вадим Александрович родился в 1957 году в городе Губахе Пермской области. Окончил Новосибирское высшее военно-политическое училище и Военно-политическую академию в Москве. Служил в морской пехоте Тихоокеанского флота. Работал главным редактором журнала “Морской пехотинец”. Полковник запаса. Автор многих сборников прозы, книги публицистики “Вокруг света на “Крузенштерне”. Награждён медалью “За труды в военной литературе”. Член Союза писателей России.

РОДИТЕЛЬСКИЙ БИДОН

Тогда ещё были живы и папа, и мама. И я в тот свой приезд, как обычно, наводил дома порядок. Мне казалось, что у родителей скопилось очень много старых и ненужных вещей. Вот я периодически и разбирался.

— Ну, скажи, зачем тебе, мама, этот бидон? — говорил я тогда. — Ты посмотри, у него же дно-то почти вывалилось. Его и не припаяешь уже. А он лежит у тебя на батарее и столько места занимает. У тебя же есть целых два новых бидона.

— Да, да, конечно, — соглашалась мама. — Можно выбросить. Только ты-то, наверное, не помнишь, а я вместе с тобой с этим бидоном за молоком в очередь ходила. На Нижней Губахе мы тогда жили, помнишь? Ты тогда ещё говорил мне: “Мама, пойдём вместе в очеру...”.

Я тогда ещё и думать не думал, что когда-то родителей не станет. Даже и представить себе не мог. И — странное дело! — их нет, а бидон вот остался.

УЖЕ БЫ ОТМУЧИЛАСЬ!

Всякий раз, как доводится бывать мне у себя на родине, радуюсь я жизнелюбивой уральской речи. Вот сижу на лавочке возле дома и слышу, как одна соседка рассказывает другой о походе в больницу. И той, и другой под восемьдесят.

— Чего только они у меня не нашли, — весело говорит тётя Валя. — И сердце, и печень, и шум в лёгких. Всё, сказали, лечить надо. Рецептов дали целую кучу. Это ж всю пенсию на одни лекарства отдать! А с чего бы? Я ж всю жизнь не курила, не пила? Может, надо было тогда и пить, и курить?

— Может, и надо было, — так же весело отвечает ей тётя Люба. — Давно бы уже отмучилась!

НА ПАТРИАРШИХ. ЖИЗНЬ ПРОШЛА

Несколько лет я преподавал журналистику в Военном университете. Кафедра находилась на Садовом кольце рядом с Патриаршими прудами. Именно там в тёплое время года я любил погулять или посидеть на лавочке. Случалось так, что у меня были занятия в начале и в конце учебного дня, а середина оставалась свободной. Вот там — у Прудов — я и проводил эти часы. Время пролетало быстро. Было на кого посмотреть, чем полюбоваться. Много раз я встречал там известных артистов, политиков, людей шоу-бизнеса. Были там и свои завсегдатаи: бабульки из соседних домов, ветераны войны и труда. В общем, заслуженные и, я бы сказал, маститые люди. Рядом с одним из таких ветеранов, внешне похожим на баснописца Крылова, я однажды присел на лавочку.

— Не помешаю? — спросил я его.

— Не беспокойтесь, — ответил он. — Мне уже никто помешать не может. Жить осталось — полтора понедельника.

— Ну, что уж вы так грустно, — попытался я возразить. — Смотрите, какая красота вокруг. Надо жить и радоваться.

— Это вам надо! А моя жизнь — в прошлом. Другая страна. Люди другие. Что толку? Вот у меня пятьдесят пять государственных наград, — со значением сказал он. — А жизнь-то прошла...

Не раз и потом я проводил время на Патриарших прудах, но этого ветерана там более не встречал.

НЕ НУЖЕН...

Только приехал я в родной свой город, как тут же и узнал, что не стало моего одноклассника Юры. Он жил рядом — в доме напротив. И я подумал, что вот ведь уже почти половина мальчишек из нашего класса ушли в мир иной.

— А что случилось с Юрой? — спросил я у его соседа. Он как раз курил на лавочке возле подъезда.
— Да известно что, — сказал он. — По пьянке сам себя и порешил.
— И как же это случилось?
— Ну, как, как? Просто жить не хотел. Напился — и сам специально грохнулся затылком на бетонную лестницу.
— Как специально?! Зачем?!
— Ну, как — зачем? Работы — нет. Денег — нет. Кому он такой нужен? Вот и грохнулся...

НАГРАДА

Тогда был ещё Советский Союз. И я поступил на учёбу в Военно-политическую академию. Поступал заочно, а поступил очно. Так получилось. И после этого надо было лететь на Дальний Восток, чтобы перевезти семью в Москву. Уже был куплен билет, и я в форме майора морской пехоты ходил по аэропорту Домодедово в ожидании регистрации и посадки в самолёт.

Поступить было очень непросто. И потому чувство личной победы усиливалось. Я знал, что вместе со мной радуются мои родные — родители, брат, жена, дочь. Начинался какой-то новый, ещё не ведомый период в нашей жизни. После многих лет службы на Тихом океане для нас открывалась столица. И всё это наполняло меня ощущением праздника. И хотя виду я старался не показывать, но в душе всё ликовало. И хотелось этой радостью с кем-нибудь поделиться.

Я стоял в курилке перед входом в аэровокзал и счастливо смотрел на окружающих. И совершенно неожиданно один из пожилых пассажиров — то ли грузин, то ли армянин, — словно прочитав мои мысли, вдруг подошёл и сказал: “Молодец! Ты достойный сын русского народа!” И пожал мне руку.

Прошло много лет. А я помню этот момент очень ярко. Словно получил тогда самую главную награду в своей жизни.

ЧУДО БОЖИЕЙ МАТЕРИ

После операции моего отца поместили в реанимацию. Он был без сознания, на искусственной вентиляции лёгких. Так прошёл день, два, прошли неделя, вторая. Меня пускали к нему. Я сидел возле его кровати и молился. Несколько раз его пытались перевести на самостоятельное дыхание, но ничего не получалось — останавливалось сердце. Таких попыток предпринималось десятка два. И всякий раз было страшно от того, что сердце моего папы переставало работать, а потом вновь начинало. Он словно бы слышал, что я мысленно просил его жить и жить.

На исходе второй недели в реанимацию пришла лечащий врач моего отца и извинительно сказала, что более шансов на выздоровление папы нет.

— Можно лишь сделать почти безнадежную операцию, — сказала она, — врезать отцу дыхательную трубку снаружи прямо в горло. Но вряд ли это поможет. Только намучаем его...

Она спросила меня, согласен ли я на это. Ответ надо было дать уже на следующий день утром.

Я вышел из поликлиники и, словно пьяный, от дерева к дереву побрёл куда глаза глядят. Через некоторое время я оказался возле городской церкви. Там я на коленях молился у иконы Владимирской Божией Матери, просил Богородицу сотворить чудо — спасти отца.

Как прошла ночь, я не помню. Помню лишь, что утром раздался телефонный звонок. Звонили из реанимации.

— Приходите, — радостно сообщили мне. — Ваш отец очнулся! В сознании! Сам дышит!

Мой папа прожил ещё двенадцать лет. Целых двенадцать лет! Пресвятая Богородице, моли Бога о нас!

СЧАСТЬЕ

Давным-давно, в курсантскую ещё пору, один мой товарищ попросил меня помочь ему в сборе материалов для курсовой работы. Попросил не случайно. Мы вместе с ним занимались в философском кружке. И вот там этот мой друг и товарищ взял тему, ни больше ни меньше, как о человеческом счастье. В общем, он решил максимально полно изучить разные представления людей о том, что такое счастье в жизни человека, как быть счастливым и что для этого нужно. В итоге, он начал собирать разного рода высказывания известных людей по этому поводу. Были среди них хорошо известные выражения, такие, например, как: “Счастье — это борьба!” или “Счастье — это когда тебя понимают!”

Короче говоря, много было собрано им разных учёных и обычных представлений об этом предмете жизни. Все их он записывал на карточки, группировал, систематизировал, раскладывал у себя в тумбочке, словно колоды карт. Вот и меня он попросил для пополнения этих “запасов”, мол, будешь в отпуске, спроси кого-нибудь из окружающих, из друзей, близких, родственников, что же такое в их представлении счастье?

Честно сказать, в том зимнем коротком отпуске я благополучно забыл о его просьбе. Да и до того ли мне было? И когда? Понятно же — встречи с одноклассниками, с роднёй, разговоры, застолья. Отпуск пролетел в один миг. И уж когда он почти совсем истёк, я вдруг неожиданно вспомнил о той самой просьбе. Я как раз тогда вышел в коридор покурить. В это самое время по лестнице поднимался наш сосед сверху — дядя Дима. Он был плотником, человеком очень смирным, тихо пошивавшим почти ежедневно и спокойно, как мне казалось, сносившим многие невзгоды семейной жизни. Ему крепко доставалось от жены. Она умело снимала с него стружку. При этом вид у дяди Димы был почти всегда жизнерадостный. Он никогда не огрызался.

Мы покурили, постояли с ним, поговорили о погоде, о моём скором отъезде.

— Дядя Дима, — обратился я к нему, — а вот что такое, в вашем представлении, счастье?

— Что? — удивлённо переспросил дядя Дима. — Счастье? Серьёзно? Хм-м... Работай, трудись, дело делай. Ну и... я вот, лично, к примеру, если выпью маленько — так вот оно и есть счастье.

С тех пор прошло много лет. Более тридцати. Почти сорок. В позапрошлом году я вновь встретил в подъезде дядю Диму. Мы, как и прежде, постояли на лестничной клетке, немного поговорили о жизни. Дядя Дима сильно сдал. Ему было за восемьдесят. Он недавно овдовел, жил под приглядом дочери.

— Как здоровье? — спросил я его.

— Да-а, — махнул он рукой. — Плохо.

— Может, чем помочь?

— Нет, — ответил дядя Дима. — Ничего не надо. И деньги есть, а выпить не могу. Не идёт. Нет счастья...

Вскоре я узнал, что он вслед за женой мирно отошёл ко Господу.

РУКА МАСТЕРА

Однажды в Союзе писателей России я повстречал одного из моих любимых писателей — Василия Ивановича Белова. Я в ту пору работал там консультантом и решил взять у него автограф, благо его книга продавалась в писательском ларьке. Вскоре с этой книгой и авторучкой наготове я подошёл к Василию Ивановичу.

— Не могли бы вы мне подписать вашу книгу, — обратился я к нему.

— А что же я могу вам написать? — посмотрел на меня Василий Иванович. — Что же?

В эти мгновения я подумал, что Василий Иванович просто готовит какую-нибудь привычную фразу, которую он обычно оставляет читателям в таком случае. Что-нибудь эдакое нейтрально-выразительное.

— Как вас зовут? — спросил Василий Иванович.

Я представился.

— Хорошо, — сказал Василий Иванович, — и стремительно написал: “Вадиму. Белов”.

“Как точно!” — не раз потом думал я об этом автографе. Ни одного лишнего слова, никаких красотостей или водянистых сантиментов. Всё очень точно и лаконично. Вот она — во всём рука мастера!

КНИГА ЖИВЁТ ДОЛГО

В ту невероятно теперь уже далёкую пору ходил я по школе с весёлым пионерским галстуком. Какой же это был класс? Третий, четвёртый, пятый? Да так ли это важно... Именно в тот день на урок истории или обществоведения пришёл к нам самый обыкновенный, как тогда казалось, дедушка. Строгий костюм, небольшая борода, галстук в горошек, как у Ленина на портретах, виски седые. В общем, типичный интеллигент провинциального городка.

Пришёл, понятно, не случайно. Целый час рассказывал он об истории нашего родного края, о его природе, названиях рек, гор, самого города, о промышленности и ещё о многом другом. Дедушка тот входил в совет ветеранов, был активным сотрудником местного музея. Всё как обычно. Не раз на занятия к нам приходили и другие фронтовики, почётные гости — бабушки и дедушки.

Однако тот старичок-краевед принёс с собой небольшую книжицу об истории нашего города. Отпечатана она была на серой бумаге, в местной типографии, небольшим тиражом, под скрепку. Тонкая такая брошюрка.

Именно за ней на перемене я и подошёл к нашему гостю: “Где можно её почитать?”

— А я вам подарю, — сказал дедок. — У меня есть ещё один экземпляр. Пожалуйста, давайте я вам подпишу. Как вас зовут?

— Вадик, — представился я.

— А отчество? — спросил старичок.

— Зачем отчество? — удивился я.

— Ну, как, зачем, — развёл руками дедок. — Это сейчас вы Вадик, а пройдут годы, будут у вас дети, внуки... Книга-то живёт долго.

РУССКИЕ БАБУШКИ

В вагоне метро на скрипке играла старушка. Седая, маленькая, она сидела на последней скамейке и, несмотря на шум-гам, старательно выводила мелодию: “Во поле берёзонька стояла...” Рядом с ней лежал футляр от скрипки. В него пассажиры бросали деньги, в основном, мелочь. Однако старушка почти не обращала внимания на свою “касу”. Она играла вдохновенно и отрешённо. Лишь раз она оторвалась, чтобы поблагодарить девочку, которая принесла ей десятирублёвую купюру.

— Спасибо! — сказала старушка. — Вы знаете, девочка, я ведь не только музыкант, но ещё и художник-портретист. У меня была выставка в Ленинграде...

...Как-то раз мама в последний год своей работы на тяговой подстанции сказала: “Смотри, вот отсюда огородик виден бабы Мани. Пустой весь. Ограбили. Сама-то ведь она едва жива. И помочь некому. Один сын помер от пьянки. Другой сидит где-то. Пенсия-то у неё малёхонькая. На огород, на картошку вся надежда-то была. А вот кто-то ночью, говорят, всё до последнего у неё выгреб. Одну ботву оставил”.

Давно это было. Лет, наверное, десять назад. А ведь не забуду никак... Потом уж, правда, через год ли, два ли приехал я в отпуск. Сели за стол. Мама пельменей настряпала-наварила. Отец новую рубаху надел. Всё как положено. А я за праздничным обедом ни с того ни с сего взял да и спросил, а как, дескать, та баба Маня-то, что картошки под зиму лишилась? Жива ли? Мол, ведь и белка, как известно, если дупло её с припасами осенними разворуют, жизнь-то прекращает.

— Жива, говорят. Зимы-то перебилась Христа ради. Так, подаянием. А весной неонечной вновь огород посадила...

ПОДСНЕЖНИКИ

Как-то совсем недавно позвонил я домой, на Урал, родителям.

— А у нас подснежники, — услышал я в трубке мамин голос. — Ходили с отцом в лес. Принесли.

И я живо представил, как стоят в большой комнате на столе в вазочке белоснежные первоцветы. Представил наши лесные, меж елей и берёз, поляны, на которых уже давно, бесовски давно не бывал.

И стало мне грустно-прегрустно. Прямо-таки тоска зелёная, да и только. Вот ведь, подумалось, отчего же так происходит в жизни-то, вечно крутит нас какое-то колесо напроочь ненужных забот да хлопот; встречаешься с кем попало, болтаешь о чём угодно... А в это самое время в родной моей сторонешке цветут себе, тянутся к майскому солнышку разлюбленные моему сердцу подснежники. Плунуть бы на всё, махнуть рукой, вскочить на подножку поезда и через сутки, всего-то через день да ночь...

— Эхе-хе-хе-хе, — только и выдохнул я. Который ведь год так.

“И зачем, за что мне всё это? — спросил я у себя. И сам же ответил: — Ничего, не в этот, так, значит, в другой раз. Сейчас-то вон ведь сколько проблем вокруг. Дочь учится. Деньги нужны. Машину надо отремонтировать. Встречи есть важные. Пообещал же. Договорился. Так что “дал слово — сдержи”, “принял обязательства — выполни”. А подснежники? Ну, что теперь... Другая весна будет. А пока где-нибудь у метро... Продают же. Вот завтра же и куплю, и нанюхаюсь допьяну”.

Стоп. Я вдруг почувствовал, точнее, ощутил, что всё совсем не так. Обманываю себя, кручу-верчу, наворачиваю.

— Спокойно, — сказал я себе. — Не так всё и печально. Ведь если разобратся, то вроде бы всё уже и есть у меня. Они же всегда со мной, эти цветики-цветочки. Даже к метро ходить не надо. Просто — всё рядом. И раньше так бывало. Где бы ни был, а лишь вспомню дом родной — и вижу его ярко-ярко. Доведись мне, к примеру, улетать куда-нибудь, в запредельно-невозвратное, космическое, скажем, бытие, и всё равно главное всегда со мной. Есть у меня такой заветный тревожный чемоданчик. А там — всё самое дорогое. Там багряные и розовые закаты и восходы над родной моей Камой-рекой, там буйно польхает черёмуха, там гудят паровозы и пароходы, там ждёт на берегу моя лодка, там лица друзей и близких, голоса отца и матери. И всё это всегда со мной. Совсем рядышком. Вот, оказывается, как всё просто.

И уже через мгновение мчался я на поезде, пил за столиком чай и смотрел в окно. Я курил в тамбуре ленинградский, фабрики Урицкого, “Беломор”, выходил на станциях и покупал горячую картошку, воблу, “Жигулёвское” пиво. А вскоре, всего-то день да ночь, на перроне меня встречали помолодевшие лет на двадцать мама, отец и братец Андрюша. А с ними и сестрица моя двоюродная, Валюха, прибежала и кричит издали: “Ага, вот он где! Брат приехал! Это вам не шухры-мухры. Брат! Офицер!”

А через мгновение иду я в шахтёрских сапогах по родным моим полянам, где журчат-переливаются ручьи, снег ещё местами лежит в хвойной осыпи, птицы чвикают-пересвистываются. И всюду, ковром прямо-таки белоснежным, — подснежники, подснежники, подснежники.

И все мы вместе, все счастливы. Вся жизнь у нас впереди. И весна с нами. Настоящая, родная весна-то. Не просто так. А какая же весна без подснежников?

ШУМ АЛЫЙ

Всякий раз, как случается мне бывать в родных моих уральских местах, отправляюсь я обычно погулять по своим тропинкам-дорожкам, что бегут и бегут по старым, густо поросшим осинником, елью и березняком горам да

пригоркам. Находишься, нагуляешься так по синим чудо-далям, и невольно ноги сами приведут к знакомому с детства родничку. Тихо бьёт он и бьёт хрустальной струйкой в распадке двух гор — Шумихи и Алёны. Присяду возле родника и долго так сижу, всматриваюсь. Много раз бывал я здесь. По грибы, по землянику бегал, случалось, и рыбу ловил в речке нашей Косьве. Есть, о чём вспомнить и подумать. Но как бы ни связывала, ни переплелась память моя с родничком, ярче иных картин видится мне первый мой поход за грибами с бабушкой. Тогда-то я и узнал, что называется родничок тот Шум Альий.

— И почему это такое название у него? — спросил я у бабушки.

— А вот попей воды из него, я тебе и расскажу. Вкусная водичка, ледяная, свежая. Журчит, переливается ручеёк.

— Давно это было, — говорит бабушка. — В ту пору и людей-то ещё не было. Одни только горы на земле нарождались. Густые леса покрывали их, звери да птицы в них жили. И не было более никого.

— Никого-никого? — переспрашиваю я.

— Говорю же, совсем никого. И горы тогда были живыми. Вот видишь, большая гора, вся в ёлочках — это гора Шум-Шумиха. Послушай, как она шумит.

Я вслушиваюсь. Тонко шумит ельник. У-у-у как.

— А напротив — Алёнина гора. Берёзки на ней, слышишь, листвою шелестят. В бане тебя веником парим. С этой вот горы веник-то. Помнишь, какой ласковый?

— Помню-помню, — отвечаю я. — Только, почему эту гору Алёниной зовут?

— А потому, что восход над ней алый-алый бывает, — говорит бабушка. — Потому и прозвали. Если утром долго спать не будешь, придём как-нибудь — сам увидишь. А родничок этот, из которого ты воды попил, Шум Алым называется. Понял почему?

— Почему?

— Да потому, что две горы вместе сошлись и родился у них вот этот ключик волшебный — сын-родничок.

— Да разве горы сходятся?

— А как же? Хоть и говорят в народе — гора с горой не сходятся, а эти вот сошлись...

— И как же это получилось-то?

— А вот так. Увидели они друг друга и полюбили. А меж ними поле было тогда огромное и много всяких непреодолимых препятствий. Но не испугались они, а пошли навстречу друг другу. Долго шли, трудно. Но вот встретились и живут теперь вместе. Грибами-ягодами нас угощают, водой ключевой поят. А вода эта силу нам даёт. Потому что от любви она. От родной сторонки. Вот ты водички этой попил — теперь расти будешь. И много-много разных дорог в жизни пройдёшь. Походишь-походишь, а всё потом к родничку придёшь. Он тебе новой силы даст и детям твоим, и внукам.

— А ты со мной тоже придёшь? — спрашиваю я.

— Может, и приду, а может, и облаком прилечу, — говорит бабушка и гладит меня по голове.

Много дней и дорог пронеслось-пробежало с тех пор. Нет-нет да и присяду я возле родничка Шум Алого. Шумит, журчит и торопится к речке светозарная живая его вода, плывут в небе белые, пушистые облака...

БОГ ХРАНИТ

Приехал я как-то к своему другу поговорить-повидаться: что, мол, да как, то да сё. Он — о своём житье-бытье. Я — о своём. Долгонько не видались-то. Чай попиваем, курим — на душе хорошо. Говорим, говорим, а я возьми да и вспомни:

— Чудом, — говорю, — недавно в живых остался.

— Ну-у?!

— Да, — говорю, — на ровном месте споткнулся.

— ???

— Не выспался раз. С женой разругались — денег ей всё мало! — вот и уснуть не могу. Утром сел за баранку, набомблю, думаю, в тот день побольше, приеду вечером и брошу ей на стол — на, дескать, подавись.

А был выходной. Утро такое всё ясное, солнечное. Только выехал, глядь, пассажир рукой машет. О, думаю, клёв хороший. Отвези, говорит, на рынок. Цену называет приличную. Чего не отвезти-то? Едем. Бензина у меня, правда, маловато было.

— Давай, — говорю, — на пару минут на заправку заскочим. Видишь, лампочка горит, — на уровень топлива показываю. А там стрелка по нулю бьёт.

— Конечно, — говорит он, — надо коня-то накормить. Сытая лошадь, она и бежит веселей.

Заехали. Недалёко АЗСка-то. Всё как обычно. Подъезжаю к колонке, машину заглушил, пистолет заправочный в горловину бензобака вставил. Пошёл к кассе за горючку рассчитаться. Подхожу ближе и — на тебе! — объявление: “Извините, у нас перерыв на тридцать минут”.

Я ещё в окошечко заглянул.

— Давно перерыв-то? — спрашиваю.

— Только что, — отвечают.

Ну, думаю, ладно. До рынка дотяну, а там недалече ещё одна заправка есть. Доедем. Вернулся к машине. Прыг за баранку и вперёд. И в тот же миг чувствую щелчок лёгкий: “П-цух”. Пассажир-то мой ещё:

— Ой-ёй, — говорит, — наехали, что ли, на что?

— Да, похоже, — отвечаю, — чуть бордюр зацепили. Не страшно.

Иду себе на разворот, на выезд с заправочной станции и тут в зеркало заднего вида ловлю взглядом, как какой-то мужик что есть мочи бежит мне во след и кричит что-то.

Скорость снизил. Окошко приоткрыл. Слышу:

— Стой! Пистолет! Стой! Пистолет!

И тут меня прямо-таки жаром всего обдало. Пистолет-то я из бензобака не вынул!

Остановился. Выскочил. Точно: пистолет так и торчит в горловине. Из шланга его вырвал.

Мужик подбегает бледный:

— Ну, ты, паря, даёшь, — только и бормочет. — А если бы искра? А?

Вынул он пистолет и, ни слова больше не говоря, пошёл обратно. Да... Такие вот дела...

Вскоре доехали мы с клиентом моим до места. Недалёко было-то. С километр, наверное, может, чуть больше. Остановились. А он сидит — не выходит.

— Слушай, — говорит, — чё-то ноги не идут. Давай перекурим.

Покурили.

— Да-а, — говорит мне пассажир-то мой, — а если бы точно искра? Улетели бы мы с тобой высоко-высоко. А? И заправка бы под нами долго дымилась.

Да как зарядит! Потом подскочил и — бегом из машины. Даже не рассчитался. Вот такие дела, — подытожил я свой рассказ.

Смотрю на друга своего. А он как-то спокойно на меня смотрит. И даже слегка в усы улыбается. Чего, думаю, у него-то улыбка? Он-то уж вроде бы всё понимает. Друг всё-таки.

А он словно прочитал мой вопрос.

— Не могло быть искры, — говорит. — Много дел тебе ещё надо сделать. Вот потому-то тебя Бог и хранит. Понятно? А вообще, и с женой, и за рулём — аккуратнее. Дорога-то — дело серьёзное.

КЛАВКА

В дежурке у Клавки холодно, электробатарей греют неважно, и ветер всё гудит, гудит в щелях под крышей. Близится конец навигации, и химпричал принимает последние суда, загружает в них остатки медной руды, ещё лежащей кучами, чуть присыпанными снегом, но скоро зачистка, пройдёт

неделя — и всё замрёт, замолчит здесь до весны, только метель, шальная и простудная, будет вертеть свою пляску.

Работает Клавка в третью смену, ночью тут поспокойнее, несуетно, раза три по телефону начальник смены спросит, как идут дела, и она отвечает, сколько трюмов насыпано и были ли перебои на транспорте.

Но сегодня с погрузкой тянут, всё ждут приподнявшийся с низовьев “Волго-Дон”, и время у Клавки тянется медленно: она то пытается читать, то, оставив книгу, поднимается со стула, приплясывает, чтобы отогнать сон и согреться. Одевается она легко, понаряднее, всё будто ждёт кого-то, всё кажется ей, что тот единственный человек вот-вот явится, заговорит с ней ласково и добро, как уж давно с ней никто не разговаривал.

Родом Клавка из деревни, и, может, никогда не оказалась бы она в городе, если б не умер от язвы желудка прошлой осенью отец, и не осталось при матери, постаревшей сразу, двое младших Клавкиных братьев.

Отец её работал шкипером, подолгу разъезжал, сопровождая продовольственные грузы, часто без меры пил с мужиками, отчего и погубил себя, не дожив до сорока пяти и осиротив детей. Но всё ж память об отце осталась у Клавды светлой: был он добряк и балагур, привозивший постоянно из рейсов подарки и любивший порассказать, где был и что видел.

Так вот и устроилась Клавка работать у реки, встречать и провожать суда, как некогда встречала и провожала отца. Найти место можно было и в деревне, но зарплата там меньше. А тут и при месте, и учиться заочно в сельхозтехникуме.

Сегодня Клавке грустно — кончается навигация, приближается зима. Всё бы ничего, будь она дома, но в общежитии как-то не находилось близких людей: девчата все модницы, старше неё, постоянно смеются над ней, “девчухой-деревухой” кличут...

Клавка глядит на белый пластмассовый телефон, и так ей хочется, чтобы пришёл поскорее этот запропавший “Волго-Дон”; верится, что зайдёт в её дежурку погреться какой-нибудь моторяга, с которым можно будет поговорить о том о сём, послушать его рассказы, а потом проводить за порог и долго ещё смотреть в темноту, ощущая дыхание замерзающей реки, слыша лёгкое потрескивание льда в заводях...

К концу смены Клавка одиноко выходит на край причала, подняв воротник лёгонького пальто.

Ночи длинные, осенние. Клавка вздыхает и говорит чуть слышно: “Ну, ничего... в другой раз, значит...”, — а сама всё смотрит вдаль, надеясь увидеть едва приметный блеск гакабортного или топовых огней “Волга-Дона”, которого всё нет и нет.

Она замерзает, вновь возвращается в дежурку, стоит, прислонившись к батарее, глядит в тёмное окно. А смена кончается, Клавка делает записи в журналах учёта, складывает их стопкой. Растворяется дверь, входит сменщик, одноногий старик Халилов. Он стучит своим деревянным протезом и с акцентом спрашивает:

— Ну, как, дэфка?.. Ничэго?.. Не замэрзла? — От него припахивает сивушным душком, он непомерно весел с утра, хватает Клавку за плечи и кричит ей в самое ухо:

— Эх-хэ-хэ-э!.. Годков бы трыдцать мнэ назад, я б погрэл тэбя, дэфка. Хэ-хэ-хэ-э!

В город Клавка добирается электричкой, и, когда входит в общежитие, на улице уже светает. Она заходит в комнату, раздевается торопливо и, не позавтракав, ложится в кровать. Думается ей о доме, о матери и двух братишках, которых она давно не видела, вспоминается родная деревенька... С тем и засыпает она, свернувшись калачиком и спрятав голову под одеяло.

ОТКРЫТКА

Редко я писал своей бабушке, очень редко. Поздравлял, может быть, с очередным Новым годом да Всемирным женским днём. И вот недавно, взяв по привычке четыре мартовские открытки, разложил их на столе и только тут понял, что одну из них отправить не придётся...

Долго я сидел над ней, вспоминая свои детские годы, и было мне одиноко и грустно. Отец мой никогда не ездил к своей матери, скорее всего, потому, что рано оторвался от дома и воспитывался у дядьёв и тёток, а мать его, потеряв в тридцатые первого мужа, вышла замуж вторично, и у неё была новая семья.

Я заканчивал второй класс и, узнав про то, что у меня где-то есть бабушка, так запросился к ней, что родители уступили и отправили меня со знакомыми, ехавшими в том же направлении. Помню ночь, когда высадили меня из поезда на перрон, и тут же, среди огней, туалетного запаха железной дороги, среди вагонного скрипа и лязга, всевозможных теней и незнакомых лиц, услышал я хриплый, но мощный голос:

— Внука у меня не видели?! Вадиком звать. Маленький он. В костюмчике синеньком. Ва-адик! Ва-адик!

Это и была моя бабка — толстая и шумная. Помню утро следующего дня. Должно быть, совсем недавно открылись магазины, а бабка уже вернулась домой с большой банкой сока, полной сеткой лимонада и бутылкой коньяка. А было мне тогда девять лет.

Помню застолье и маленькие свежие огурцы, которые бабка ещё незрелыми сорвала в парнике. На стуле я сидел важно и в тот день впервые поднял рюмку наравне со старшими.

Ночью того же дня долго я не мог заснуть, потому что думал о том, как пойду на обещанную мне новым дедушкой рыбалку, всё слушал, как стучат и стучат настенные ходики, и вдруг услышал в соседней комнате разговор:

— Ты что? Последние деньги издержала? На какие шиши будем месяц доживать?

— Да ничего, как-нибудь. Внук ведь приехал, внук.

Вскоре я отгостился и уже не приезжал больше. Много раз приходилось мне позже бывать в гостях у разных людей, многим меня щедро угощали, но вот помнится отчего-то именно та застольная бесшабашность бабки моей, и всё звучит её голос: “Да ничего, как-нибудь. Внук ведь приехал, внук”.

И не стало бабки... Но всякий раз, как случится мне ехать поездом — в отпуск ли, по делам ли службы, — всякий раз ловлю себя на мысли, что ищу меж провожающих лицо бабки моей, ищу и не нахожу. А так хочется, чтобы кто-нибудь прокричал на всю вокзальную ширь вдогонку тронувшемуся поезду: “Привет им передавай! Отцу привет, матери привет! И приезжай, ведь жду я, жду...”

И ещё что-то кричала мне бабка, но я уж не слышал; всё быстрее и всё дальше уносил меня от неё поезд — не догнать, не расслышать. Не слышу и сейчас, только сижу вот возле окна и посматриваю то в ночную темень, то на оставшуюся открытку. Всё смотрю и смотрю...